

нечно, ни единой черточки не понять въ картинѣ Рѣпина „Не ждали“. Ему тотчасъ покажется, что главное дѣйствующее лицо картины (по признанію всѣхъ нашихъ художниковъ, не говоря уже о лучшей части публики — истинный *chef-d'oeuvre*) нѣчто „вымученное“; что у него въ фізіономіи „какая-то исключительность, что-то нехорошее, недоброе, тенденція, однимъ словомъ“; оно „обдаетъ чѣмъ-то страннымъ, непріятнымъ“ и т. д. То ли дѣло дѣйствующія лица у г. Маковского: тамъ, кромѣ самой ординарной смазливости ничего нѣтъ — тамъ критика ничѣмъ не „обдаетъ“ кромѣ пустяковъ. Въ заключеніе, оракулъ „Новаго Времени“ давалъ даже художникамъ рецептъ, посредствомъ котораго они могли-бы выправить эту картину, написать ее гораздо лучше: стоитъ только выбрать главное лицо не столь изысканное (требуется, вѣроятно, лицо въ родѣ „сытыхъ, здоровыхъ, румяныхъ лицъ“ изъ картины К. Маковского, столько восхитившихъ критика), написать всю картину колоритнѣе (вѣроятно, въ стилѣ лакированной иллюминаціи К. Маковского), не такъ умышленно сѣро и экономно — и дѣло въ шляпѣ! Вообще говоря, по мнѣнію газеты „боязнь силы и настоящей художественной правды“, „экономность и умѣренность“ средствъ выраженія и мѣшаютъ таланту Рѣпина „развиться въ настоящую величину“. Гдѣ можно найти еще большую неспособность понимать искусство?

Впрочемъ, непониманіе непониманіемъ, а по части художественной критики здѣсь оказалось многое такое, что еще хуже. Сюда относится, наприм., отстаиванье своихъ прекрасныхъ мнѣній посредствомъ выдумокъ и клеветъ. Нуждаясь въ униженіи Рѣпина, критикъ пробуетъ произвести это, выставивъ противобѣсъ, который раздавилъ-бы его окончательно. Для этого избранъ — Крамской. Отчего-бы и не такъ? Крамской — художникъ крупный, высокоталантливый, играющій крупную роль въ исторіи новаго русскаго искусства. Поэтому нѣтъ ничего худого въ томъ, чтобы сравнивать съ нимъ другого крупнаго нашего художника и затѣмъ, если угодно, отдавать предпочтеніе тому или другому. Но худо то, что для выигрыша своего дѣла газета принимается вдругъ увѣрять своихъ читателей, будто-бы Крамской „выросъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ“ потому, что „сбросилъ съ себя реалистическія пути и рецептуру, что его сухость оказалась напускною, его черствая трезвость — придуманною, его блѣдность колорита — умышленною экономіей“. Какая глупая и несчастная клевета! Но главное, что это за крупный и высокій художникъ, который въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ способенъ былъ умышленно обезображивать свой талантъ! И какое изъ всего заключеніе: „Портреты